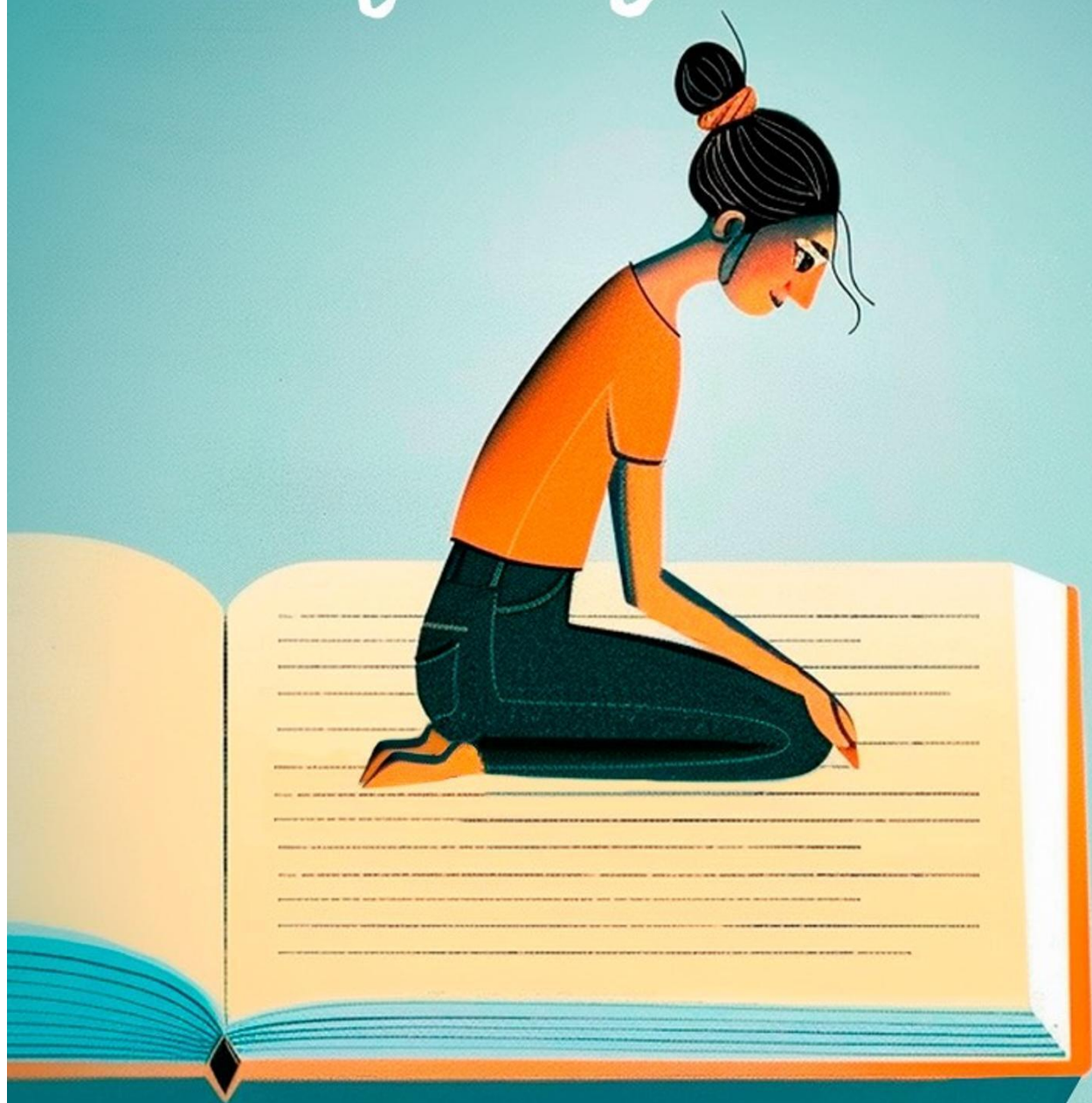

Дневник предназначения

Кристина Петрушина

Кристина Петрушина

Дневник предназначения

«Автор»

2026

Петрушина К.

Дневник предназначения / К. Петрушина — «Автор», 2026

Юрист по образованию, бариста по жизни — Аня уже три года работает в маленькой кофейне в центре города и отчаянно ищет своё истинное предназначение. Сотни часов, потраченных на хобби, десятки брошенных занятий и один и тот же вопрос: «А вдруг для меня ничего не придумано?» Всё меняется, когда в кофейне появляется новый сотрудник — тридцатилетний Марк, молчаливый, спокойный и безупречный. А вслед за ним — старая потрёпанная тетрадь, которая начинает писать ответы на самые сокровенные вопросы Ани. Кто скрывается за странными посланиями? Что знает Марк? И можно ли перестать гнаться за единственным «тем самым», если всю жизнь ты верила, что оно существует?

© Петрушина К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. День, когда всё стало меняться	5
Глава 2. Тетрадь и подозрения	8
Глава 3. Новое хобби и сообщение из прошлого	11
Глава 4. Аня получает ответ и новые вопросы	14
Глава 5. Встреча с Денисом	17
Глава 6. Бисквит, музыка и ромашки	20
Глава 7. Фальшь и прикосновение	25
Глава 8. Фестиваль	28
Глава 9. Птица в груди	31
Г	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Кристина Петрушина

Дневник предназначения

Глава 1. День, когда всё стало меняться

Начало июня выдалось в этом городе странным — солнце жарило с утра, а к обеду забегали тучи, и воздух пах одновременно пылью и асфальтом после дождя. Кофейня «Птица» стояла в переулке, который даже местные называли «ну этот, за аптекой, а потом направо, нет, левее». Туда заходили по ошибке или по привычке — и почти никогда случайно. Потому что о «Птице» не рассказывали. Её не отмечали в подборках «лучшие кофейни города». Здесь не было вайфая, не было розеток у каждого столика, и ноутбуки откровенно не жаловали. Местные знали это место и берегли его, как карманную тишину — от городской суеты, от любителей поработать за чашкой латте, от всех этих «суетологов», как говорила Лана. Поэтому посетителей всегда было ровно столько, чтобы кофейня не пустовала, но и не превращалась в вокзал. Три столика — два у окон, один у стены с доской объявлений — почти всегда были заняты, но без давки. Идеальный баланс.

Аня работала здесь третий год. У неё был диплом юриста, но он лежал в картонной коробке под стойкой — вместе с запасными крышками для стаканчиков. Потому что составлять иски оказалось намного грустнее, чем делать капучино.

Сейчас были не большие деньги. Было маленькое утро, когда она открывала кофемашину и слушала, как шипит пар. Были постоянные клиенты, которых она знала по имени и по любимому напитку. И была Лана.

Лана забегала в «Птицу» примерно два-три раза в неделю — когда съёмка заканчивалась раньше или клиентка отменяла примерку. Её график был ненормированным, хаотичным, живым. Как она сама.

— Ты опять не выспалась, — сказала Лана, плюхаясь на барный стул в этот дождливый вторник. — У тебя мешки под глазами размером с мои клатчи.

— Спасибо, ты очень поддерживаешь.

— Я серьёзно. Что на этот раз? Вязание крючком? Эпоксидная смола? Танцы на пилоне?

— Сухое валяние из шерсти, — буркнула Аня, нажимая кнопку на кофемашине. — Валяла вчера до двух ночи. Получился кривой ёжик.

Лана засмеялась — тем смехом, который слышно на всю кофейню.

— Аня, солнце, ну сколько можно? Ты уже перепробовала всё, кроме космоса.

— До космоса ещё не дошла. Хотя если найдут способ монетизировать звёзды, я первая запишусь.

Она поставила перед Ланой матча с кокосовым — тот самый, с сердечком на пенке, которое Аня научилась рисовать после ста неудачных попыток.

— Слушай серьёзно, — Лана перестала смеяться. — Ты классный юрист. Ты просто не хотела этим заниматься. Это нормально. Но ты уже три года ищешь то самое дело, которое тебя спасёт. А вдруг его нет? Ну, такого одного?

Аня замерла. Вот этот вопрос она боялась услышать громче всего.

— Есть, — сказала она слишком твёрдо. — Просто я ещё не нашла.

Лана посмотрела на неё долгим взглядом, но ничего не сказала.

За их разговором из угла, у окна, кто-то тихо зашуршал газетой.

Аня бросила взгляд туда. Сидел старик. Она видела его раньше — он приходил почти каждый день, заказывал чёрный чай и подолгу смотрел в окно. Лицо его она не запоминала. Обычное пенсионерское лицо, каких сотни.

Он не поднимал головы, но казалось, что газету он переворачивал медленнее, чем обычно. Словно прислушивался.

Аня отвела глаза и в который раз оглядела свою кофейню.

«Птица» не была хипстерской. Никаких голых лампочек на потолке, никакого крафтового минимализма. Три столика — два у окон, один у стены. Столы деревянные, потёртые, со следами горячих чашек. Стулья разные — какие-то принесли, какие-то нашли на блошином рынке. На подоконниках стояли живые цветы в горшках, которые Аня поливала по очереди, чтобы не залить. Пахло кофе, корицей и почему-то старыми книгами — хотя книг здесь почти не было. Просто так сложилось.

Сейчас был свободен только столик у стены. У окон сидели двое: старик с газетой и девушка в наушниках, которая бесшумно пила чай. Идеальный вечер вторника.

Зашла девушка с рюкзаком. Новая. Заказала американо с собой.

Аня кивнула, привычно смолола зерна. Девушка заплатила и вышла, даже не сев. Значит, не из местных. Местные всегда садятся.

Потом пришёл мужчина в синей куртке — постоянный. Всегда брал двойной эспрессо и овсяное печенье. Аня уже достала печенье, когда он только переступил порог.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Как обычно?

— Как обычно.

Он сел за свободный столик у стены, достал книгу. Никто не спешил. Никто не работал за ноутбуком.

Лана за это время успела ответить на два сообщения, поставить лайк под чьим-то фото и отправить голосовое.

— Кстати, — она убрала телефон. — Я вчера познакомилась с одним. Маркетолог. Кажется, он меня не бесит.

— Кажется?

— Пока. Через три свидания поймём.

Аня улыбнулась. Лана встречалась с кем-то постоянно, но серьёзных отношений не получалось — работа всегда была важнее. Она подбирала образы для чужих жизней, забывая про свою.

— А ты? — спросила Лана. — У тебя кто-то есть?

— Нет. Мне сначала нужно найти дело жизни, а потом уже...

— Аня, это не взаимоисключающие вещи.

— Для меня взаимоисключающие. Если я отвлекусь, то так и просижу в этой кофейне до пенсии, а предназначение пройдёт мимо.

Лана хотела возразить, но в этот момент в дверях появился Паша — её сменщик, вечно сонный и добрый.

— Аня, тебе начальник звонил, — он сунул ей телефон. — Сказал передать: послезавтра у тебя новый бариста. Марк. Чтоб ты была готова, всё ему показала, как тут устроено.

Аня взяла телефон. Внутри что-то ёкнуло — не радостно, а тревожно.

— Почему новый? Мы и так справляемся.

— Сказал, на расширение. Вроде он крутой спец, из другой кофейни переманили.

— Господи, ещё один кофеман, который будет учить меня правильно тамповать.

Паша пожал плечами: — Не знаю. Но он завтра придёт познакомиться. Будь повежливей.

Аня хотела сказать, что она всегда вежливая, но промолчала. Вместо этого она собралась, взяла коробку с недошитым ёжиком и вышла в мокрый вечерний переулочек.

Дома было тихо.

Квартиру-студию Аня купила два года назад, когда родители развелись и продали большую трёхкомнатную квартиру, где они жили всей семьёй. Отец ушёл к другой, мать купила

маленькую двушку на окраине, брат быстро нашёл себе однушку в спальном районе, а Аня почему-то выбрала студию в новостройке. Формат «white box» — белые стены, бетонный пол, никаких перегородок.

Тогда ей казалось, что это свобода. Пустое пространство, которое она наполнит сама.

Два года спустя она всё ещё наполняла.

Кухонный уголок с двумя конфорками и маленькой раковиной. Диван без ножек, просто лежащий на полу. Стеллаж из необработанной фанеры с книгами, которые она не перечитывала. В углу — коробки с материалами для брошенных хобби: пряжа, краски, глина, формы для свечей.

Посередине комнаты стоял подоконник — широкий, гранитный, во всю стену. Аня любила его больше всего.

Она бросила ключи на тумбу, переоделась в домашние штаны и старый свитер, заварила себе раф с лавандой — тот самый, который делала уже сто раз, пока не довела до совершенства. Взяла чашку и забралась на подоконник с ногами.

Внизу мокла новостройка. Фонари отражались в лужах. Где-то лаяла собака.

Аня обхватила чашку руками и посмотрела на своё отражение в стекле — уставшее, с невыспавшимися глазами. Кривой ёжик из шерсти лежал в коробке на полу. Недошитый, как и все её начинания.

«Я не хочу так больше», — подумала она.

Она закрыла глаза и загадала желание — то самое, которое загадывала уже много раз, но теперь особенно сильно:

— Пусть я найду то самое. То, что позволит мне наслаждаться жизнью. И перестать гнаться.

Она открыла глаза. Ничего не изменилось. Дождь всё так же моросил за окном, квартира оставалась такой же пустой.

Аня отпила раф.

В пустоте иногда рождаются ответы. Но не в этот раз.

Она поставила чашку на подоконник, закрыла глаза и долго сидела так, слушая, как капли бьют по стеклу.

Глава 2. Тетрадь и подозрения

На следующий день после звонка начальника Аня пришла в «Птицу» пораньше. Солнце наконец победило тучи, и в переулке запахло мокрым асфальтом и летом — тем самым, когда хочется снять форму и уехать на море, но надо работать.

Она проверила зёрна, протёрла стойку, расставила стулья. На доске объявлений кто-то повесил новое объявление: «Котёнок ищет дом. Рыжий, ласковый». Аня оторвала один номер телефона про запас. Вдруг пригодится.

Марк пришёл ровно в три, как и обещал Паша.

Она увидела его через стеклянную дверь: он шёл по переулку не торопясь, руки в карманах джинсов, лицо спокойное, как у человека, который никуда не опаздывает.

Аня рассматривала его. На вид Марку было около тридцати — может, двадцать восемь, может, тридцать два. Высокий, тёмные волосы чуть ниже ушей, серьга в левом ухе, джинсы, чёрная футболка, кеды. Всё чистое, но без претензии.

И тут Аня поймала себя на мысли: тридцатилетний мужчина, а работает баристой. Не владелец кофейни, не управляющий, не бариста в модном месте за огромные чаевые — а в «Птице», где зарплата небольшая, а посетителей мало. Странно.

Он вошёл. Колокольчик звякнул тихо — Марк придержал дверь рукой.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я Марк. Мне сказали, вы покажете, как здесь устроено. — Аня.

Она не протянула руку, но и грубости не было. Просто деловито кивнула.

— Пошли. Время дорого.

Она повела его за стойку. Говорила быстро, почти отрывисто, но спокойно.

— Зёрна два сорта. Эспрессо — в том хоппере, декаф рядом. Не перепутай. Молоко в холодильнике. Сиропы подписаны. Не оставляй открытыми, мухи любят сладкое.

Марк кивал. Не перебивал. Не задавал вопросов, которые обычно задают новенькие: «А где тут салфетки?», «А как часто менять воду?», «А что делать, если пена не держится?». Он просто смотрел и запоминал.

Когда они дошли до зоны посуды, Аня спросила:

— Ты всегда такой молчаливый?

Он подумал секунду — всерьёз, а не для вида.

— Наверное. А что, это плохо?

— Нет, — ответила Аня. — Просто непривычно. У нас тут тихо, конечно, но люди всё равно болтают. За стойкой, с клиентами. А ты молчишь. Как будто тебе ничего не надо.

— Мне надо, чтобы было тихо, — сказал Марк. — Поэтому я оттуда и ушёл.

— Откуда?

— Из прошлой кофейни. «Облако» на соседней. Там играла громкая музыка, люди кричали, дети бегали. Я люблю тишину.

Аня поджала губы. «Облако» она знала — сетевая кофейня на оживлённой улице, вечно шумная, вечно полная людей с ноутбуками. Не её место.

— А почему ты вообще решил работать баристой? — спросила она, стараясь, чтобы вопрос прозвучал просто из любопытства. — Тебе, наверное, уже за тридцать?

Марк посмотрел на неё спокойно, без тени обиды.

— Двадцать девять. И я люблю кофе. И тишину. А возраст... — он чуть заметно пожал плечами, — возраст не имеет значения, если ты делаешь то, что тебе нравится.

Аня хотела возразить, но промолчала. Потому что внутри кольнуло: она сама в двадцать шесть работает баристой с дипломом юриста. Какое право она имеет осуждать?

Остаток смены они работали молча, но уже без напряжённости. Аня показывала, куда высыпать жмых, как выставлять температуру, где лежат запасные крышки. Марк делал всё аккуратно, без суеты. Когда пришёл клиент и заказал капучино, Марк нарисовал на пенке идеальный листочек. Аня с удивлением поняла, что даже она так не умеет.

— Неплохо, — сказала она. И это было честно.

Марк кивнул, не улыбувшись, но и не нахмурившись. Просто принял комплимент.

Аня окинула его взглядом ещё раз: джинсы без единой складки, футболка свежая, кеды белые — хотя он только первый день работает в кофейне, где всё летит на пол. Она посмотрела на свою форму: пятно от сиропа на фартуке, рукав закатан кое-как. И почему-то это её задело. Что он, король чистоты?

Она не могла объяснить, почему её раздражает чужой порядок. Может, потому что у неё самой всё в жизни было таким же неопрятным, как этот фартук. А у Марка — как его белые кеды. И это было нечестно.

Перед закрытием, когда они мыли оборудование, Аня спросила:

— А почему выбрал именно «Птицу»? Тут зарплата меньше, чем в сетевых.

Марк вытер руки полотенцем.

— Потому что здесь тихо. И потому что у этой кофейни есть душа. В сетевых её нет.

Аня задумалась. Ей показалось, что за этим простым ответом что-то стоит. Но что — она не поняла.

По дороге домой она всё возвращалась к этому разговору. Марк не вызывал у неё пока ни симпатии, ни раздражения. Только лёгкое недоумение: кто он, откуда и почему такой спокойный?

Прошло два дня.

Марк работал во вторую смену, Аня — в первую, и они пересекались только по вечерам. Он по-прежнему был молчалив, вежлив и безупречен. Его спокойствие, сначала показавшееся просто странным, теперь начинало по-настоящему раздражать. Слишком ровный. Слишком уверенный. Как будто он знал что-то, чего не знала она.

В четверг, перед самым закрытием, когда Аня протирала столики, она заметила на столе у окна потрёпанную тетрадь в коленкоровой обложке. Никакой надписи. Просто старая, потёртая, с пожелтевшими уголками.

— Чья? — спросила она у Марка.

Тот как раз снимал фартук.

— Не знаю. Я не видел.

— Странно. — Аня пролиستала тетрадь. Пустые страницы. И только на первой — аккуратная надпись от руки:

«Дневник предназначений. Пиши — и ответ найдётся».

Она усмехнулась.

— Кто-то шутит.

— Может, забыли, — сказал Марк. — Положи на видное место.

Аня подумала. С одной стороны, какая-то ерунда. С другой — вдруг человек вернётся за ней? Она положила тетрадь обратно на стол, где нашла. Если кто-то ищет — увидит.

— Ладно, пусть лежит, — сказала она.

На следующий день Аня пришла на смену, и тетрадь всё ещё лежала на столике у окна. Никто не пришёл за ней, никто не спросил.

День выдался спокойным. Три столика заполнялись медленно — пара постоянных, одна случайная девушка с рюкзаком, мужчина в синей куртке со своим овсяным печеньем. Аня работала на автомате: смолола зёрна, заварила, подала.

Но мысли её были заняты другим — Марком.

Она пыталась вывести его на разговор. Задавала вопросы в перерывах между клиентами: «Ты как, освоился?», «Тебе нравится такой ритм?», «Где ты вообще живёшь?». Марк отвечал коротко: «Нормально», «Да», «Недалеко». И всё. Ни одного лишнего слова.

В ухе у него был вставлен один наушник — маленький, чёрный, почти незаметный. Аня не знала, что он там слушал. Может, музыку. Может, аудиокнигу. Может, подкаст. Но ей казалось, что наушник был ещё одним способом отгородиться от неё. От мира. От всего.

Ей это не нравилось. Всё-таки им работать вместе, в одной маленькой кофейне, где кроме них двоих за стойкой никого нет. Можно было бы хотя бы пытаться наладить контакт.

Но Марк не пытался.

И это начинало бесить сильнее, чем его спокойствие.

К вечеру Аня устала и от работы, и от бесполезных попыток разговорить коллегу. Она уже собралась уходить, когда взгляд упал на тетрадь. Она так и лежала на столике у окна. Весь день. Никто её не тронул.

Марк уже ушёл. Кофейня была закрыта для посетителей. Аня осталась одна.

Она подошла к столику, взяла тетрадь, села на стул и долго разглядывала единственную надпись на первой странице: *«Дневник предназначений. Пиши — и ответ найдётся»*.

Чей-то чужой дневник. Может, розыгрыш. Может, чья-то личная вещь, которую она не имеет права портить.

Аня представила: кто-то вернётся за тетрадью, откроет, а там — её каракули. Стыдно. Но с другой стороны — тетрадь просто лежала на столике целый день. Никто не пришёл. Никто не спросил. Может, её специально оставили?

Она думала долго. Вспоминала свои тридцать два брошенных хобби, диплом юриста в коробке, страх, что она пустая, что для неё ничего не придумано. Отчаяние подступало к горлу.

«А что я теряю? — подумала Аня. — Если это розыгрыш — ну и пусть. Если личный дневник — извинюсь потом. Но хуже не будет».

Она открыла тетрадь на первой чистой странице, достала ручку и написала:

«Я Аня. 26 лет. Юрист, который делает кофе. Я пробовала рисовать, лепить, валять шерсть, печь капкейки, играть на укулеле и ещё тридцать два хобби. Всё бросила. Я боюсь, что для меня вообще ничего не придумано. Что я пустая. Если ты это читаешь — ответь: это правда?»

Она захлопнула тетрадь, положила обратно на столик — туда, где нашла. Пусть лежит. Если хозяин вернётся — увидит. Если нет — может, и правда ответит.

Аня выключила свет, закрыла кофейню и пошла домой.

Дома она долго не могла уснуть. Ворочалась, думала о тетради, о своём неясном будущем, о том, что завтра у неё наконец выходной — первый за восемь дней. В голове крутились одни и те же вопросы: кто оставил тетрадь? Зачем? Имеет ли она право туда писать?

Телефон завибрировал. Сообщение от Ланы:

«Ань, завтра в двенадцать у ТЦ. Ты не забыла? Шоппинг, сплетни, я расскажу про нового клиента — он псих, но платит. У тебя новости будут?»

Аня усмехнулась. У неё никогда не было новостей. Только вечные поиски предназначения и кривые ёжики из шерсти. Но завтрашний выходной казался ей огромным подарком. Она коротко ответила: «Буду. Спокойной ночи».

Потом провалилась в сон.

Глава 3. Новое хобби и сообщение из прошлого

Выходной у Ани выдался редким — первый за восемь дней, поэтому она проснулась ни свет ни заря, хотя можно было поспать. Но привычка подниматься рано для открытия «Птицы» сделала своё дело: в восемь утра она уже пила кофе в своей студии, а до встречи с Ланой оставалось целых четыре часа.

Аня решила не терять время. Она вытащила из угла коробки с брошенными хобби — вязание, эпоксидная смола, глина для лепки, формы для свечей и, конечно, та самая шерсть для валяния, из которой так и не вышел обещанный ёжик. Всё это лежало без дела уже больше года. Аня перебрала коробки, вздохнула и решила расстаться с тем, к чему точно не вернётся. Половину отправила в мусор, половину — в пакет для благотворительного магазина. Рука не поднялась выбросить качественные материалы. «Пусть хоть кому-то пригодятся», — подумала она.

В одиннадцать она закончила, переоделась и отправилась к ТЦ, где они договорились встретиться в двенадцать.

Лана опоздала на пятнадцать минут, влетела с огромными солнцезащитными очками, чашкой кофе с собой (хотя они договорились пить здесь) и с криком:

— Аня, прости, этот маркетолог — он псих! Он прислал мне вчера презентацию из двадцати слайдов, почему свидание в парке эффективнее свидания в кино. Я до двух ночи читала!

Аня засмеялась.

— Ты могла не читать.

— Не могла. Там была целая аналитика со сравнениями и графиками! А я люблю графики и всякие такие штучки. — Лана рухнула на стул, сдвинула очки на лоб. — Фух. Как ты? Что нового?

— Ничего, — привычно ответила Аня. — Всё как обычно.

Она не стала рассказывать про тетрадь. Слишком странно, да и вообще... может, это и правда чей-то дурацкий розыгрыш. Аня решила пока оставить это при себе.

Лана заказала себе матча и пирожное, Аня — лавандовый раф. Они сидели у окна, болтали о пустяках: Лана рассказывала про очередную клиентку, которая хотела выглядеть «как Бейонсе, только худая», Аня слушала и кивала.

— Слушай, — сказала Лана, доедая пирожное. — Ты давно ничего не пробовала нового из хобби. Что насчёт выпечки?

— Выпечки? — Аня удивилась. — Ты предлагаешь мне печь торты?

— А почему нет? Это вкусно, это расслабляет, и потом — ты можешь делать торты на заказ. Знаешь, сколько люди платят за красивые капкейки? Я в теме, серьёзно.

Аня представила себя в роли кондитера в белом колпаке и фартуке — и усмехнулась. Но Лана продолжала:

— Это же идеальное хобби для тебя! Творчество, результат можно съесть, и если не получится — никто не узнает. Не то что эти твои... ёжики из шерсти.

— С ёжиками было обидно, — призналась Аня. — Я неделю валяла.

— Вот именно. А торт испёк, съел и забыл. Кстати, у меня как раз есть рецепт трёхшоколадного. Давай сегодня попробуем? Я куплю продукты.

Аня уже хотела согласиться, когда телефон завибрировал.

Незнакомый номер. Сообщение.

«Привет, Аня! Ты завтра свободна?»

Аня нахмурилась. Посмотрела на экран, перечитала. Кто это?

— Что там? — спросила Лана, заглядывая через стол.

— Не знаю. Какой-то номер... Наверное, ошиблись.

— Покажи.

Аня протянула телефон. Лана прочитала, хмыкнула.

— Смайлик подмигивающий. Кто-то явно не ошибся. Может, это тот твой новый бариста? Марк? Он мог раздобыть твой номер у Паши или у начальника.

— Марк? — Аня задумалась. — Нет... Он слишком серьезный для смайликов. И вообще, он знает мой график. Мы же вместе работаем.

— Ну а кто тогда?

Аня вдруг почувствовала, как внутри холодеет. Она посмотрела на номер ещё раз. Знакомые цифры. Точнее, когда-то знакомые.

— О господи, — выдохнула она. — Это Денис.

— Что? — Лана выпрямилась. — Денис? Тот самый? С первого курса?

— Я удалила его контакт два года назад. Но номер... он сохранился где-то в памяти.

Лана отложила телефон, как будто тот мог загореться.

— Аня, не смей ему отвечать. Ты помнишь, что было в прошлый раз? И в позапрошлый?

Аня помнила. Всё началось на первом курсе. Денис учился на третьем, был видным, самоуверенным. Аня часто видела его в компании какой-то девушки и думала, что он занят. Потом он вдруг начал с ней заговаривать, пригласил на вечеринку к друзьям. Аня выпила немного пива — только чтобы не казаться белой вороной и понравиться ему. Там они сблизились, и случился первый поцелуй. Аня думала, что начинается что-то настоящее.

Но через несколько дней Денис пропал. Не отвечал на сообщения, не приходил в университет. Аня сходила с ума от беспокойства. Потом он объявился, извинился — какие-то дела, семейные проблемы. Аня поверила. Они снова начали встречаться, но он снова пропал, уже навсегда — перевёлся в другой универ, даже не попрощавшись.

Спустя год он написал снова, и всё повторилось: две недели встреч, надежд, а потом тишина. Аня тогда была подавлена, не могла есть, спать, всё думала — что она сделала не так. Лана тогда была рядом, приносила пиццу, заставляла есть и твердила: «Забудь, он козёл, он тебя не достоин».

— Я помню, — тихо сказала Аня. — Я не отвечу.

Она сунула телефон в карман, но сообщение жгло сквозь джинсы.

— Давай лучше про торт, — сказала Лана, беря её за руку. — Идём в магазин? Я знаю, где хороший шоколад.

Они вышли на солнечную улицу. Время близилось к часу дня. Аня старалась не думать о сообщении, но внутри засела тревога. Зачем он написал? Почему именно сейчас?

В супермаркете Лана носилась с тележкой, как ребёнок: швыряла туда муку, масло, яйца, три вида шоколада — тёмный, молочный, белый.

— Так, рецепт требует миндальной муки, — командовала она. — Где здесь миндальная мука?

— Лана, мы не в Париже, — улыбнулась Аня. — Возьмём обычную.

— Фу, обычная — это пошлость. Но ладно.

Они купили ещё сливки, сахарную пудру, кондитерский мешок (Аня скептически подняла бровь: «Ты серьёзно думаешь, у меня получится?», Лана ответила: «Надейся на лучшее») и отправились к Ане домой.

В студии было светло и пусто. Лана огляделась: белые стены, бетонный пол, диван на полу, коробки с брошенными хобби в углу.

— Аня, тут даже штор нет.

— Зато подоконник широкий.

— Это да. — Лана сразу забралась на подоконник с ногами. — Так, включаем музыку. Ты отвечаешь за миску, я за рецепт.

Они нашли на телефоне какой-то плейлист, перемешали ингредиенты. Локти в муке, волосы в сливках. Когда они пытались отделить белки от желтков, Лана выронила яйцо, и оно с глухим стуком разбилось об пол. Желток растёкся по плитке. Девушки переглянулись и расхохотались.

— Это специально, чтобы в духовке не взорвалось, — заявила Лана сквозь смех.

— Ты гений кулинарии.

Они растопили шоколад, смешали со сливками и маслом, но крем никак не хотел густеть. Добавили загуститель, потом ещё, потом начали сбивать миксером — и крем разлетелся по стенам.

— Лана, твою мать!

— Не мою, твою! Выключай миксер!

Аня выключила, и они устали на кухню. Вся в белых каплях. Торт, который уже стоял в духовке, дымил — оказывается, Аня забыла выставить правильную температуру, и масло капало на нагревательный элемент.

— Мы горим? — спросила Лана.

— Нет, просто пахнет горелым маслом. Открой окно.

Они распахнули окно, впустили июньский воздух. Торт в итоге получился: кривой, с трещиной наверху, но пропёкся. Крем они решили не мучить и просто полили торт растопленным шоколадом. Получилось страшно и вкусно.

— Ты открыла новое хобби! — сказала Лана, отрезая себе огромный кусок.

— Скорее новую катастрофу, — рассмеялась Аня.

Они ели торт, болтали. Лана рассказала про маркетолога подробнее: как он подарил ей на втором свидании таблицу с графиком их совместимости, а на третьем — коммерческое предложение «отношения на длительный срок с возможностью продления».

— Я чуть не убежала, — призналась Лана. — Он хороший, но скучный. А я хочу, чтобы иногда меня удивляли.

— А ты пробовала ему сказать?

— Зачем? — Лана пожала плечами. — Это несерьёзно. Просто... развлечение.

Аня подумала о своих прошлых отношениях. О Денисе, о том, как она верила каждому его слову. Какая же глупая была.

Когда Лана ушла (обняла Аню на прощание, сказав: «Ты молодец, это было весело»), Аня осталась одна. Вымыла посуду, убрала кухню. Стемнело. Она села на подоконник, обхватила чашку с остывшим чаем и посмотрела на телефон.

Сообщение Дениса всё ещё висело в мессенджере.

«Привет, Аня! Ты завтра свободна?»

Завтра она работала во вторую смену, с двух до девяти вечера.

«Если не отвечу, он подумает, что я боюсь», — мелькнуло в голове. Или это было не так? Может, ей просто хотелось узнать: зачем он написал? Что ему нужно?

Аня набрала ответ, стёрла, набрала снова:

«Привет. Завтра я работаю во вторую смену с 14 до 21. Кофейня «Птица», переулок за аптекой, найти непросто. Если хочешь, приходи к восьми вечера, я буду там. Адрес: улица Ленина, 15, строение 2, вход с торца»

Она отправила и подумала: найдёт ли он? Сама она в первый раз еле отыскала это место.

Сообщение улетело. Аня отложила телефон, как будто обожглась, и уставилась в окно.

Фонари только зажглись. Летний вечер был тёплым и спокойным. Но внутри неё поселилась тревога: что она только что сделала?

Телефон не отвечал до самого утра.

Конец главы 3.

Глава 4. Аня получает ответ и новые вопросы

На следующий день после выходного Аня проснулась поздно — сказывалась бессонная ночь. Первым делом она схватила телефон. Сообщений от Дениса не было. Ни «доброе утро», ни «как дела?», ни даже короткого «ок». Тишина.

Аня напряглась. Уже позднее утро, он мог бы ответить. Что, если он передумал? Или написал по ошибке? Или, что хуже, решил снова исчезнуть, как делал раньше?

Она отложила телефон и с тоской посмотрела на вчерашний торт, оставшийся на кухонном столе. Рука сама потянулась отрезать кусок. Заедая грусть и тревогу, она жевала липкую, приторно-сладкую крошку и думала: зачем она вообще ответила? Зачем так подробно расписала адрес? Теперь он знает, где она работает, и может прийти в любой момент. Или не прийти.

Торт был жутко сладким, но Аня доела его почти весь. Хотя бы не пропадать добру.

Потом она долго пила кофе на подоконнике, думая о вчерашнем сообщении Дениса и о тетради. Что там появилось за два дня? Ответит ли кто-нибудь на её вопрос?

У неё была вторая смена, с двух до девяти, поэтому до открытия кофейни оставалось ещё несколько часов. Аня заставила себя не смотреть на телефон каждые пять минут, собралась и ровно в четырнадцать ноль-ноль открыла «Птицу».

Марк уже был за стойкой — он работал первую смену, с девяти до пяти. Увидев Аню, он коротко кивнул и продолжил протирать кофемашину.

— Привет, — сказала Аня. — Как проходит день?

— Нормально, — ответил он. — Клиентов почти не было.

Аня оглядела зал. Три столика пустовали. У окна сидел знакомый старик с газетой и пил чёрный чай. Тетрадь лежала на его столике, на самом краю.

Аня не стала подходить. Решила подождать, пока освободится место. Она занялась кофемашинкой, переставила чашки, проверила запас сиропов. Краем глаза она следила за стариком.

Тот дочитал газету, не спеша сложил её, допил чай, поднялся, положил на стол несколько монет и направился к выходу.

— Всего доброго, — сказал он, проходя мимо стойки.

— До свидания, — ответила Аня.

Старик вышел. Аня проводила его взглядом. Он медленно пошёл по переулку, и вскоре его фигура скрылась за углом.

Теперь — можно.

Аня подошла к освободившемуся столику, взяла тетрадь, вернулась к барной стойке и открыла на заложенной странице. Сердце забилось быстрее.

Там, где раньше было пусто, появился аккуратный, чуть дрожащий почерк:

«Аня. Ты не пустая. Ты просто слишком торопишься. Присмотришься к тому, что рядом.

И не бойся прошлого — оно уже не властно над тобой»

«Не бойся прошлого» — это о Денисе? Или о чём-то ещё?

Аня подошла к Марку.

— Слушай, ты не видел, чтобы кто-то трогал эту тетрадь сегодня? — спросила она, кивнув на столик у окна.

Марк взглянул на тетрадь.

— Не видел. А что?

— Да так странно. Я её оставляла на столике, а потом заметила, что она открыта на другой странице.

— Может, кто-то из клиентов полистал, — пожал плечами Марк. — Тот старик, например.

— Возможно, — сказала Аня и убрала тетрадь под стойку, решив больше не показывать её Марку.

День тянулся медленно. Около четырёх часов пришло сообщение от Дениса: «Ок, буду в 20:00»

Аня выдохнула. Ровно в восемь он обещал быть.

Она посмотрела на часы — до восьми ещё четыре часа. Марк скоро уйдёт, потом кофейня опустеет. К восьми вечера в «Птице» будет только она. И Денис.

— Всё нормально? — спросил Марк.

Он смотрел на неё с лёгким беспокойством — впервые за всё время.

— Да, — ответила Аня. — Просто один человек из прошлого сказал, что зайдёт.

Марк кивнул и не стал задавать вопросов. Но вместо того чтобы вернуться к кофемашине, он вдруг сказал:

— Я тоже не люблю, когда прошлое напоминает о себе.

Аня удивлённо подняла бровь. Это было самое личное, что он произнёс за всё время.

— У тебя есть прошлое? — спросила она и тут же пожалела — вопрос прозвучал глупо.

Марк чуть заметно улыбнулся. Не насмешливо, а скорее грустно.

— У всех есть. — Он провёл рукой по волосам — тёмным, чуть ниже ушей, с небрежной прядью, падающей на лоб. Серьга в левом ухе блеснула при свете. — Я, например, раньше работал в банке. Аналитик. Костюмы, галстуки, переговоры, кредиты.

Аня не поверила:

— Ты? В банке?

— Ага. Три года. Потом понял, что не моё. Слишком шумно в голове. И в офисе.

— И ты ушёл в бариста?

— Сначала в курьеры. Потом в пиццерию. Потом сюда. — Он пожал плечами. — Я люблю тишину. И кофе. И чтобы никто не лез в душу.

Он произнёс это спокойно, без вызова. Но Аня почувствовала лёгкий укол — последняя фраза явно относилась к ней. Она и правда всё время пыталась его разговорить.

Она украдкой посмотрела на него. Сейчас, без обычного наушника (он почему-то снял его), Марк казался другим. Более живым, что ли. Чёрная футболка облегалась широкие плечи, джинсы сидели идеально, даже белые кеды, которые её так раздражали в первый день, выглядели сейчас просто аккуратными. В нём чувствовалась какая-то внутренняя собранность, почти военная. Но в то же время — отстранённость.

Красивый, подумала Аня. И тут же мысленно одёрнула себя.

— Не лезть в душу, — повторила она. — А как же работа в команде?

— Работать можно и молча, — ответил Марк. — У нас с тобой же получается.

Она хотела возразить, что «получается» — это громко сказано, но вместо этого спросила:

— А сейчас тебе не скучно? Кофе, пенка, те же лица?

Марк посмотрел на неё своими серыми глазами — спокойными, внимательными, без намёка на улыбку.

— Нет. Здесь есть ты. — Он сделал паузу. — Ты вечно ищешь что-то, бегаешь, пробуешь, ошибаешься. За тобой интересно наблюдать.

Аня не знала, как это понимать. Комплимент? Насмешка? Она открыла рот, чтобы спросить, но Марк уже посмотрел на часы.

— Мне пора. — Он снял фартук, повесил на крючок. — Удачного вечера.

— Спасибо, — выдавила Аня.

Он вышел, не оборачиваясь. Аня осталась за стойкой, глядя ему вслед. В груди странно колотилось. Этот разговор взволновал её больше, чем она хотела признать.

«Здесь есть ты. За тобой интересно наблюдать».

Что это было? Флирт? Или просто констатация факта? И почему её это одновременно притягивает и напрягает?

Она тряхнула головой, прогоняя лишние мысли. Кофейня опустела. Пора заняться тетрадью.

Аня достала её из-под стойки, открыла на новой чистой странице и написала:

«Кто ты? Почему ты мне помогаешь?»

Она оставила тетрадь открытой на столике у окна — вдруг автор ответит до её ухода.

Аня вернулась за стойку. До восьми оставался час. Она мыла чашки, протирала столы, переставляла сахарницы — всё, чтобы занять руки.

Но через полчаса она поймала себя на том, что смотрит на дверь каждые две минуты. И тут её осенило: она выглядит так, будто только что вышла из подсобки после смены — фартук в пятнах, волосы выбились из пучка.

«Господи, — подумала Аня. — Я же не хочу, чтобы он видел меня такой».

Она сняла фартук, быстро пригладила волосы и пошла в уборную.

Там было тесно и пахло жидким мылом с запахом зелёного чая. Аня включила свет, посмотрела в зеркало. Из отражения на неё глядела девушка с лёгкими кругами под глазами — один выходной после восьми рабочих дней это не то, чтобы достаточно, чтобы выглядеть отдохнувшей, — и рассыпавшимися каштановыми волосами, которые она так и не научилась укладывать красиво.

Она раздражённо дёрнула резинку, и волосы, уставшие от тесного пучка, упали вниз, завившись мягкими волнами и легли на плечи. Стало легче. И немного свободнее.

Она задержала взгляд на своих глазах. Серо-голубые, с тёмным ободком по краю радужки — папа всегда говорил, что такие глаза бывают у людей, которые слишком много думают. Аня посмотрела себе в зрачки, как будто искала там ответ. Взгляд был усталым, но живым.

Она вообще была симпатичной, когда приводила себя в порядок. Не броской, не «модельной», а той самой — уютной, с мягкими чертами, веснушками, которые появлялись на носу каждое лето, и губами, которые легко расплывались в улыбке, если повод был настоящий. Но сейчас повода не было. Было только волнение и странное чувство, что она делает что-то не то.

Аня выдохнула, смыла с лица остатки усталости холодной водой, вытерлась бумажным полотенцем. Волосы она решила не трогать — пусть лежат, как лежат.

— Ладно, — сказала она своему отражению. — Будь что будет.

Она вышла из уборной, поправила футболку и снова встала за стойку. До восьми оставалось двадцать минут.

В двадцать минут девятого дверь открылась.

— Аня? — раздался голос.

Она подняла голову.

На пороге стоял Денис. Чуть запыхавшийся, в расстёгнутой куртке.

— Привет, — сказал он. — Извини, опоздал. Еле нашёл этот переулок. Чёрт знает где.

Аня сглотнула.

— Ничего, — ответила она. — Проходи.

Сердце колотилось где-то у горла.

Она не заметила, что тетрадь на столике закрылась сама собой. Или ей показалось?

Глава 5. Встреча с Денисом

Денис появился в «Птице» без предупреждения, как и любил — внезапно, когда его меньше всего ждали.

Аня заканчивала мыть кофемашину. Кофейня почти опустела — постоянные клиенты разошлись, и она осталась одна за стойкой. Только свет ламп над столиками и тишина, нарушаемая шипением пара.

За окном темнело. Тучи, которые с утра только маячили на горизонте, теперь собрались в плотную стену, и пошёл мелкий, назойливый дождь. Капли барабанили по карнизу, разбивались о стекло.

Аня выключила воду и замерла. Сердце билось быстрее обычного. Она не знала, что скажет Денису, когда он придёт. Извинится? Сделает вид, что ничего не было? Спросит, куда он пропал? Мысли мешались, путались, ни одна не казалась правильной.

А потом она вспомнила. Как в прошлый раз он исчез на две недели, не отвечал на сообщения, а потом появился с улыбкой — «были проблемы». Как она тогда плакала ночами в своей комнате, свернувшись калачиком на узкой кровати, а Лана приносила пиццу и говорила: «Забудь, он не стоит». Как она всё равно надеялась, что он вернётся. И он возвратился. И всё повторилось.

Боль тогда была острой, как порез. А теперь? Теперь она чувствовала только глухую тяжесть в груди и неуверенность.

Денис вошёл, стряхивая с куртки капли дождя.

Он был лёгким — именно так Аня всегда его и запомнила. Улыбчивый, уверенный в себе, в стильной тёмной куртке и светлых брюках, которые не боялись дождя. С первого взгляда на него казалось, что у этого человека всё в жизни получается само собой. И он знает об этом.

— Привет, — сказал он.

В этом «привет» было столько всего сразу: лёгкая вина, которую он не собирался раздувать, и надежда, которую он прятал за ровным тоном. Как будто он хотел сказать: «Я знаю, что подвёл тебя, но давай просто начнём сначала, хорошо?»

Он направился к стойке.

— Ты работаешь сегодня?

И улыбнулся — той самой обезоруживающей улыбкой, от которой у Ани когда-то подкашивались колени. Улыбкой, которая будто говорила: я знаю, что ты на меня злишься, но ты ведь меня уже простила, правда?

Аня не ответила на улыбку.

— Как видишь, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Она не ожидала его так скоро. Вчера он написал, что «хочет поговорить», но она думала — завтра, через день, когда она будет готова. Денис всегда любил нарушать её планы.

— Извини, что без предупреждения, — он виновато улыбнулся. — Просто боялся, что ты передумаешь.

Аня повернулась к нему спиной, делая вид, что что-то убирает на полке. Она не знала, как реагировать. Он был такой лёгкий, расслабленный, словно ничего не произошло. А у неё подкашивались ноги, лицо горело, и она чувствовала, что не может владеть ни голосом, ни телом. Слова застревали где-то в горле, она не могла выдавить из себя ни звука. Казалось, сердце билось так сильно, что Денис мог его слышать.

— Кофе? — наконец выдавила она, не оборачиваясь.

— Лучше чай. Чёрный.

Она кивнула и принялась заваривать. Денис сел за столик у окна.

Пока чай заваривался, Денис успел рассказать, как соскучился, как жалеет о прошлом и как много понял за эти годы. «Я изменился, Ань. Честно». Аня слушала вполуха. В голове крутилось другое: «Сколько раз я это уже слышала?»

Она поставила чашку перед ним, и Денис сделал глоток, поморщился — горячо.

— А у вас тут уютно, — сказал он, оглядывая зал. — Тихо. Не то что в сетевых.

— Мы любим тишину, — ответила Аня и почему-то подумала о Марке. Он бы сейчас наверняка сидел с наушником, делая вид, что не слушает.

Но Марка не было. Он ушёл в пять, как обычно.

Денис допил чай, поставил чашку на блюдце.

— Слушай, — сказал он. — Ты когда заканчиваешь?

— Через пятнадцать минут, — ответила Аня, не поднимая головы.

— Давай прогуляемся? — Он обвёл взглядом кофейню, будто оценивая обстановку. — Дождь уже почти кончился.

Он встал и начал медленно расхаживать по залу, изучая всё вокруг: старые стулья, доску объявлений, цветы на подоконнике. Остановился у столика у окна, где лежала тетрадь. Посмотрел на неё мельком, провёл пальцем по обложке, но не открыл. Тетрадь не заинтересовала его.

Вид у Дениса был уверенный. Он вообще всегда вёл себя слишком уверенно, и это подкупало Аню. Сейчас — тоже.

Аня хотела отказаться. Язык уже приготовил привычное «нет, у меня дела». Но вместо этого она услышала своё:

— Хорошо, давай.

Она не понимала, зачем согласилась. То ли в ней ещё теплились остатки старых чувств, то ли она хотела наконец понять, есть ли они вообще. Но ей было приятно, что он написал, пришёл, как обещал в том сообщении. Приятно, хоть она и не признавалась себе в этом.

Она быстро закрыла кофейню, и они вышли на улицу.

Дождь действительно почти перестал. Воздух пах мокрыми листьями и асфальтом. Они пошли в сторону парка — старого, с коваными скамейками и фонарями в стиле прошлого века. Там было пустынно и тихо.

— Рассказывай, — сказала Аня, когда они свернули на аллею. Она старалась вести себя уверенно и непринуждённо, как будто ей всё равно, что сейчас она гуляет именно с Денисом. — Чем ты сейчас занимаешься?

— Да так, — Денис пожал плечами. — Между работами. Уволился из продаж, хочу найти что-то более вдохновляющее.

— И что может тебя вдохновить?

— Не знаю пока. Думаю. — Он посмотрел на неё с той самой лёгкой улыбкой. — А ты? Всё в своей кофейне?

— Всё в своей, — кивнула Аня. — Мне там нравится.

— Серьёзно? — он удивился, не скрывая. — С твоим дипломом?

— А что мой диплом? — Аня почувствовала укол. — Он лежит в коробке. Я не хочу быть юристом.

— Ну, дело твоё, — Денис махнул рукой. — Я, знаешь, тоже решил кое-что поменять. Прочитал пару книг — очень вдохновляет. Друзья посоветовали. Одна про привычки, другая про мышление.

— И какие? — спросила Аня, хотя чувствовала, что он говорит как-то не очень уверенно.

— Да разные. Я быстро читаю, вникаю в суть. — Он перевёл тему. — А у тебя кто-то есть?

Вопрос застал Аню врасплох.

Она не сразу нашлась, что ответить. После Дениса у неё не было нормальных отношений. Она пыталась с кем-то знакомиться — в интернете в основном, потому что вживую ей было неловко, а ходить в бары и клубы одной не хотелось. Но из этого ничего не вышло. Она была

слишком погружена в свои хобби, вечно носила накладные наушники и думала о чём-то своём. Кто будет знакомиться с такой девушкой? Да и свидания эти были скорее потому, что Лана подталкивала: «Аня, ты всегда сидишь дома, надо порой и в свет выходить». Аня выходила, сидела в кафе с малознакомыми людьми, отвечала на вопросы и чувствовала себя чужой. А потом с облегчением возвращалась в свою студию.

Никто из тех встреч не задержался в её памяти. И сердце не билось так, как сейчас.

— В смысле? — переспросила она.

— Ну, мужчина.

— Нет, — ответила Аня слишком быстро. — Никого.

Денис кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на удовлетворение.

Они вышли из парка, сели на лавочку недалеко от метро. Говорили ни о чём — о погоде, о фильмах, о старых знакомых, которых Аня уже почти забыла. Денис был внимательным, задавал вопросы, смеялся её шуткам. И Аня поймала себя на мысли, что это приятно. Что она скучала по такому простому — сидеть рядом и болтать.

Но где-то глубоко внутри сидел червячок сомнения. Слишком всё гладко. Слишком правильно.

Когда они поднялись с лавочки, пора было расходиться — им в разные стороны.

— Ну, — сказал Денис, останавливаясь. — Рад был тебя увидеть.

— Я тоже, — ответила Аня и не поняла, врёт или нет.

Он сделал шаг к ней, чуть наклонился — наверное, хотел поцеловать в щеку. Аня заметила это движение в последний момент и резко повернулась в другую сторону, будто что-то увидела на другой стороне улицы.

— Ой, смотри, какая смешная собака, — сказала она, указывая в пустоту.

Денис замер, потом усмехнулся.

— Не заметил.

— Уже убежала, — соврала Аня.

Она повернулась к нему, улыбнулась — натянуто, но вежливо.

— Ладно, мне пора. Завтра рано на смену.

— Я зайду, — сказал Денис.

— Заходи, — ответила Аня.

Они попрощались, и она пошла к метро. Не оглядывалась.

В вагоне Аня сидела у окна, смотрела на тоннель и пыталась разобраться в себе. Ей было приятно, что он пришёл, но что-то не отпускало. Та лёгкость, с которой он говорил о переменах, не выглядела настоящей. И книги она готова была поспорить, что он их не читал.

Она вспомнила свой последний вопрос в тетради: «Кто ты? Почему ты мне помогаешь?» Ответа ещё не было. Может, он появится завтра.

Поезд подъезжал к её станции. Аня встала, поправила сумку и вышла на платформу. Вечерний ветер пах дождём и свободой.

Дома она не стала заваривать чай, просто разулась, бросила ключи на тумбу и рухнула на диван. Сил не было ни на что. Она закрыла глаза и провалилась в сон, так и не дождавшись ответа.

Глава 6. Бисквит, музыка и ромашки

Утром Аня пришла в «Птицу» раньше обычного. Ей не спалось — мысли о Денисе, о его лёгкой улыбке и той прогулке перемешались с давним страхом, что всё повторится. Но была ещё одна причина, почему она не могла усидеть дома.

Тетрадь.

В тот вечер, когда пришёл Денис, она написала там вопрос, который так и остался без ответа. Или не остался?

Она открыла тетрадь на заложенной странице. Там, где раньше было пусто, появился аккуратный, чуть дрожащий почерк.

«Тот, кто когда-то был на твоём месте. Всему своё время»

Аня перечитала один раз, потом второй. Сердце колотилось где-то у горла. «Тот, кто когда-то был на твоём месте» — значит, этот человек тоже искал. Тоже сомневался. Тоже боялся, что он пустой.

Она провела пальцем по строчкам, потом закрыла тетрадь и убрала на место.

— Всему своё время, — повторила она вслух. — Посмотрим.

Ровно в девять пришёл Марк. Он работал первую смену, и Аня встретила его дежурным кивком, хотя внутри что-то дрогнуло. После той фразы «Здесь есть ты» она не могла смотреть на него по-прежнему. Он заметил?

Марк молча надел фартук, проверил кофемашину и только потом спросил:

— Ты рано сегодня.

— Не спалось, — ответила Аня.

Он кивнул, не задавая лишних вопросов, и принялся заваривать себе кофе.

Паша пришёл позже, сонный и добродушный, и сразу уткнулся в телефон.

Аня работала на автомате — варила эспрессо, протирала стойку, принимала заказы. Но в голове крутилось одно: «Кто ты?» Она смотрела на посетителей, на старика, который уже сидел у окна с газетой, на Марка, на Пашу, но никто не выглядел как автор. Все были слишком обычными. Или слишком хорошо прятались.

В перерыве, когда зал опустел, Аня решилась.

— Марк, можно спросить?

— Спрашивай.

— Ты говорил, что работал в банке. Почему ты ушёл? Не боялся, что люди не поймут?

Марк помолчал, и Аня уже привыкла к его паузам.

— В банке было шумно, — сказал он наконец. — Постоянные переговоры, сделки, люди — цифры. Однажды я просчитал сделку, из-за которой уволили целый отдел. Хорошие люди. А начальник сказал: «Так бывает, это бизнес». Я понял, что не хочу быть частью системы, где чужие судьбы — просто отчётность.

— А отец? — спросила Аня. — Ты говорил, он хотел, чтобы ты продолжил его дело.

— Не говорил, но да, хотел. — Марк усмехнулся. — Он несколько месяцев не разговаривал со мной. Сейчас мы общаемся, но редко. Он до сих пор думает, что я бросаю жизнь на ветер.

— И ты не жалеешь?

Марк посмотрел на неё. Серые глаза были спокойными, почти прозрачными.

— Иногда жалею. Но чаще — нет. Здесь тихо. И есть ты.

Аня смутилась. «И есть ты» — это прозвучало так, будто он говорит не просто о коллеге.

— Я не умею так, как ты, — сказала она, чтобы сменить тему. — Всё время мечусь, пробую, бросаю. Боюсь, что ничего не найду.

— Ты уже нашла, — ответил Марк. — Кофе, эту кофейню. И не бросай. Даже если не получается идеально.

Аня улыбнулась. Она подумала о торте, который так и не решилась испечь. Может, сегодня?

В этот момент телефон завибрировал.

Сообщение от Дениса: *«Привет! Как день? Думаю о тебе. Заскочу к тебе, пообедаем вместе?»*

Аня замерла. Она не знала, что отвечать. Вчерашняя прогулка была приятной, но внутри всё ещё сидел тот червячок сомнения. Слишком легко, слишком правильно. И тетрадь сказала: «Смотри на поступки, не на слова». Но Денис писал, думал о ней — это ведь поступок? Или просто слова?

Марк, который стоял за кофемашиной, заметил её замешательство. Он поднял бровь, но ничего не спросил.

Аня набрала ответ: *«День нормально. Давай, только быстро, у меня ещё дела»*.

Они переписывались ещё пару минут. Денис предложил встретиться в районе часа дня. Аня согласилась, сама не понимая зачем. Ей было приятно его внимание, но одновременно тревожно.

— Всё в порядке? — спросил Марк, не поднимая глаз.

— Да, — ответила Аня. — Просто один человек хочет встретиться в обед.

Марк кивнул и больше не спрашивал.

Около часа дня, когда посетителей почти не было, в кофейню вошёл Денис. Он был в своей обычной лёгкой манере — улыбочивый, уверенный, пахнувший дорогим парфюмом.

Марк, который как раз протирает стойку, поднял голову.

— Здравствуйте, — сказал он Денису, принимая его за обычного покупателя. — Что будете заказывать?

Денис даже не посмотрел на него.

— Я не к тебе, — бросил он и махнул Ане. — Привет! Идём?

Марк не изменился в лице. Он просто отошёл к кофемашине, сделал вид, что проверяет давление воды, и больше не вмешивался. Аня заметила, как он пропустил грубость мимо ушей, и почему-то это её задело. Почему он не защитил себя? Или он просто умнее?

— Идём, — сказала Аня, снимая фартук и повесив его на крючок. — Я через полчаса вернусь, — бросила она Марку.

Он кивнул.

Они вышли из кофейни. Денис галантно придержал дверь и предложил зайти в кафе через дорогу — уютное место с пастой и салатами.

За обедом он был мил: шутил, спрашивал о её дне, рассказывал смешные истории про бывших коллег.

— и он такой говорит: «Это не мой кофе, я заказывал капучино». А я ему: «Вы заказали американо. Я помню, потому что вы три раза переспрашивали цену». — Денис рассмеялся. — Клиенты иногда такие придурки, сам знаешь.

— Знаю, — кивнула Аня, делая глоток воды. — У нас тоже бывают странные.

— Например?

— Ну, один мужчина каждый день заказывает двойной эспрессо и овсяное печенье и никогда не улыбается. А одна женщина приносит с собой чашку из дома, потому что «в ваших чашках кофе остывает быстрее».

— И ты запоминаешь всех?

— Стараюсь, — ответила Аня. — Это приятно — когда тебя помнят.

Денис посмотрел на неё внимательно.

— А ты бы хотела, чтобы тебя помнили?

— Не знаю, — сказала Аня. — Наверное, да. Но не как «девушку, которая плохо готовит кофе».

Денис засмеялся.

— Ты хорошо готовишь кофе. Даже я заметил, а я не эксперт.

— Спасибо, — ответила Аня и почему-то смутилась.

Он положил руку на стол, близко к её ладони, но не притронулся.

— Знаешь, я рад, что мы снова общаемся. Я скучал по тебе. По нашим разговорам.

Аня почувствовала, как внутри снова завозился тот самый червячок сомнения. Слова — это хорошо. Но где поступки?

— Я тоже рада, — сказала она, хотя не была уверена, что это правда.

А потом, когда они вышли из кафе, он вдруг достал из-за спины маленький букетик — полевые ромашки, перевязанные бечёвкой.

— Это тебе, — сказал он. — Просто так.

Аня растерялась. Ей было приятно, но внутри что-то не отпускало. Мысль о Марке — его спокойных серых глазах, фразе «Здесь есть ты», о том, как он молча сносил Денисову грубость, — не шла из головы.

«Откинь это», — сказала она себе. — «Ты должна сосредоточиться на себе. На Денисе. На том, что делать».

Она взяла букет, улыбнулась и сказала:

— Спасибо. Очень красиво.

Денис был доволен собой — это читалось в его расслабленной улыбке и чуть приподнятых плечах.

Они вернулись к кофейне. Денис проводил её до двери.

— Увидимся? — сказал он.

— Да, — ответила Аня. — Завтра.

Денис ушёл, а она вошла внутрь.

Марк был за стойкой. Он мельком взглянул на неё — долгим, внимательным взглядом, от которого у Ани перехватило дыхание. Она опустила глаза и молча надела фартук.

Марк ничего не сказал. Всё оставшееся до конца смены он общался с ней только по рабочим вопросам: «Проверь молоко», «Где запасные крышки?», «Клиент на втором столике забыл перчатки». Аня отвечала односложно, но чувствовала, как внутри нарастает тяжесть.

В семнадцать ноль-ноль она закончила. Быстро собралась, бросила пальто и вышла. Марк даже не посмотрел ей вслед.

На улице она выдохнула. Свежий воздух немного прочистил голову.

«Ладно, — подумала она. — Хватит. Сегодня я пеку торт».

Она достала телефон, нашла по навигатору магазин «Всё для тортов» и поехала.

Магазин оказался маленьким, но плотно набитым — как шкатулка, в которую кто-то очень старательный сложил всё самое интересное. Аня переступила порог и замерла.

На полках стояли ряды силиконовых формочек в виде сердечек, звёзд, цветов и каких-то фантастических зверей. Дальше — насадки для кондитерских мешков: узкие, широкие, зубчатые, круглые. Аня взяла одну в руки, покрутила. «Для чего это? — подумала она. — Чтобы выдавить идеальную розочку или просто полоску?»

Рядом громоздились баночки с посыпками — золотые, серебряные, разноцветные, с крошечными шариками и длинными блёстками. «Это, наверное, для тортов на день рождения, — предположила Аня. — Или для тех, у кого больше терпения, чем у меня».

Потом взгляд упал на стеллаж с шоколадом. Тёмный, молочный, белый, в каплях, в плитках, в порошке. Отдельно стояли мешочки с какао-маслом и какао-бобами. Аня представила, как можно растопить эту гору и сделать глазурь, которая блестит как зеркало. И тут же усомнилась, что у неё получится.

За прилавком стояла женщина с добрым лицом и быстрыми, уверенными движениями. На бейджике было написано «Надя». Она не кинулась к Ане с вопросом «Что ищете?», не сверлила взглядом. Просто улыбнулась и продолжила раскладывать коробки.

Аня обошла магазин ещё раз, трогая то формочку, то пакетик с маршмеллоу. В голове крутилось: «А это зачем? А это?» Она чувствовала себя ребёнком в незнакомом лесу, где каждая веточка могла оказаться волшебной палочкой.

— Здравствуйте, — сказала она наконец. Голос звучал тише, чем хотелось, и в нём пряталась лёгкая неуверенность. Сразу было понятно: человек здесь первый раз и ещё не решил, хочет ли он вообще во всё это влезать.

Надя подняла голову и улыбнулась шире.

— Здравствуйте. Что-то ищете конкретное или просто смотрите?

— Просто смотрю, — призналась Аня. — Я никогда не пекла торты. Ну, то есть один раз пекла, с подругой, но это была катастрофа.

— С подругой — это всегда риск, — сказала Надя понимающе. — Но одной проще. Вы начните с бисквита.

— А что мне для него нужно?

— Мука, сахар, яйца, масло. И хорошая форма. — Надя вышла из-за прилавка, взяла с полки силиконовую круглую форму. — И терпение. Его часто забывают в таких магазинах.

Аня улыбнулась.

— С терпением у меня пока не очень.

— Нароботается, — сказала Надя и добавила в корзину разрыхлитель и ванильный экстракт. — Главное — не бояться. Бисквит любит уверенность.

Аня слушала, кивала и чувствовала, как напряжение отпускает. Надя была лёгкой, простой, без тени превосходства. Она не говорила «это же элементарно» и не смотрела с жалостью. Просто помогала.

— Если что-то пойдёт не так, — сказала Надя на прощание, — пишите в мессенджер. Номер на визитке.

Аня взяла визитку, сунула в карман и вышла на улицу с полным пакетом. Ей почему-то стало спокойно. Как будто она завела ещё одного союзника в этом бесконечном поиске.

Дома, в своей студии, она поставила пакет на кухонный стол и замерла. Теперь или никогда.

Сердце колотилось. Внутри сидела та самая глупая неуверенность: а вдруг не получится? А вдруг опять сухо и криво? Аня выдохнула и попросила колонку включить музыку — какой-нибудь плейлист, который посоветовал алгоритм.

Из динамиков полилась энергичная попса, которую Аня при посторонних никогда бы не включила. Но сейчас она была одна. И медленно, словно проверяя, не сломается ли всё вокруг, она начала пританцовывать.

Сначала неловко, потом смелее. Стянула рабочую футболку, надела старый свитер, который доходил до колен. Волосы выпали из пучка и упали на плечи. Она тряхнула головой и рассмеялась — от собственной нелепости, от облегчения, от того, что никто не видит.

Музыка играла, Аня танцевала по кухне, раскладывая продукты: мука, масло, яйца, шоколад. Мерить ничего не надо, Надя сказала: «Делай на глаз, но записывай, чтобы повторить».

Она замесила тесто под ритмичный бит, взбила белки в такт припеву и отправила бисквит в духовку, пританцовывая у плиты. Надя оказалась права: главное — не бояться.

Получилось не идеально — чуть суховато, с трещиной наверху. Но съедобно. И пахло шоколадом так, что кружилась голова.

«В следующий раз добавим масла», — записала Аня в телефон и улыбнулась.

На следующий день она принесла пробник в кофейню.

— Дегустация, — объявила она, ставя коробку на стойку. — Новое хобби. Выпечка. Марк и Паша переглянулись.

Паша откусил первым, прожевал и изрёк:

— Нормально. Но можно лучше. Чуть суховато.

Марк молча откусил, медленно прожевал и, не поднимая глаз, сказал:

— Слишком сухо. Но шоколад чувствуется.

Аня не обиделась. Она положила оставшийся торт в холодильник для постоянных клиентов и записала себе в телефон: «Добавить масла».

Вечером, перед закрытием, она снова подошла к тетради. Открыла на чистой странице и написала:

«Я попробовала новое хобби — печь торты. Получилось не очень. Почему я так боюсь, что у меня ничего не выйдет?»

Она оставила тетрадь на столике и пошла домой. Ответ придёт утром.

Глава 7. Фальшь и прикосновение

Солнце только начинало золотить крыши, когда Аня отперла дверь «Птицы». Тишина внутри казалась почти осязаемой — ни шума кофемашины, ни звона чашек, ни голосов. Только она и этот утренний покой, который она так полюбила за три года работы.

Но сегодня её ждало кое-что ещё.

Она бросила сумку под стойку и, не снимая пальто, подошла к столику у окна. Тетрадь лежала на старом месте, прикрытая салфеткой — будто кто-то нарочно прятал её от чужих глаз.

«Ну, давай, — подумала Аня. — Что ты мне скажешь?»

Она открыла на заложенной странице и прочитала аккуратные, чуть дрожащие строки:

«Страх ошибки — это не слабость, это желание сделать хорошо. Но идеально с первого раза не получается ни у кого. Продолжай печь, и однажды ты удивишь себя»

Аня выдохнула. Как будто кто-то невидимый снял тяжесть с её плеч.

— Продолжай печь, — повторила она вслух. — Ладно. Уговорил.

Она закрыла тетрадь, убрала на место и принялась готовить кофейню к открытию: поставила стулья, проверила молоко, включила кофемашину. Но мысли всё равно возвращались к тетради. «Кто ты? — думала она. — Почему ты знаешь, что мне страшно? Почему ты помогаешь?»

Ответа не было. Только тишина и запах свежего кофе.

Потом взгляд упал на букет ромашек, который Денис подарил вчера. Он стоял в стакане с водой на подоконнике, уже чуть привядший, но всё ещё красивый. Аня вытащила цветы, разделила на три маленьких пучка и поставила каждый в крошечную вазочку — такие обычно использовали для эспresso. Ромашки оказались на каждом столике: у окна, у стены и у входа.

«Пусть люди радуются», — подумала она.

Первый посетитель пришёл ровно в девять. Мужчина в синей куртке, которого Аня про себя называла «двойной эспresso и печенье». Он всегда заказывал одно и то же и никогда не улыбался. Сегодня он вошёл, молча кивнул, сел за свой обычный столик у окна и первым делом оглядел его. Вазочка с ромашками стояла с краю, чуть правее салфетницы.

— Что-то изменилось, — сказал он, не поднимая глаз.

— Цветы добавила, — ответила Аня.

— Хорошо, — кивнул он и взял чашку.

Аня приготовила эспresso, положила на тарелку овсяное печенье и отнесла.

— Ваш кофе, — сказала она.

Мужчина поднял глаза, взял чашку и вдруг улыбнулся. Не широко, скорее уголками губ, но заметно.

— У вас тут всегда вкусно, — сказал он. — Спасибо.

Аня опешила на секунду, потом улыбнулась в ответ.

— Пожалуйста. Приятного аппетита.

Она вернулась за стойку и почувствовала, как внутри разливается что-то тёплое. Мелочь, а приятно. Оказывается, её замечают. Даже те, кто никогда не говорит лишнего. Она вдруг подумала: «А зачем мне нужно, чтобы меня замечали? Почему я не могу просто радоваться работе, а жду одобрения?»

Вопрос остался без ответа. Но осадок был странным — как будто она заглянула в себя и увидела там что-то, что раньше не замечала.

День тянулся медленно. После обеда пришло сообщение от Дениса: «Привет! Сегодня вечером идём в кино? Я нашёл хороший сеанс, начало в восемь. Заеду за тобой?»

Аня задумалась. Ей нравилось его внимание, но внутри всё ещё жила смутная тревога, которую она не могла объяснить. «Почему я не могу просто радоваться? — подумала она. — Вчера он был милым, подарил ромашки. Сегодня зовёт в кино. Чего ещё желать?»

Но желать хотелось другого. Чтобы он был настоящим. Чтобы она не боялась, что завтра он снова исчезнет.

«Давай, только я сама приду, мне удобнее», — ответила она.

Вечером, после смены, она переоделась, привела себя в порядок и отправилась в кино-театр. Денис ждал у входа с двумя билетами и маленькой коробкой попкорна.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал он, чмокнув её в щёку.

Фильм оказался средним — комедия, которую через десять минут хотелось выключить. Но Денис смеялся громче всех и комментировал каждую шутку. Аня кивала, улыбалась, но думала о своём. «Почему он так громко смеётся? Ему правда смешно или он хочет, чтобы я подумала, какой он весёлый?»

Мысль была несправедливой, и Аня сама это понимала. Но остановиться не могла.

Потом они вышли из зала, и Денис повёл её в кафе через дорогу. За ужином он рассказывал о работе.

— меня повысили, теперь я управляющий небольшим складом. Логистика, поставки, всё серьёзно. — Он говорил уверенно, но почему-то смотрел в сторону. — Друзья говорят, что у меня талант к организации.

Аня слушала и вспоминала. Неделию назад общая знакомая обмолвилась, что Денис работает курьером в доставке продуктов. «Ну, у него сейчас сложный период, но он старается». Аня тогда не придавала значения — мало ли кто что говорит.

Теперь она смотрела на него и чувствовала фальшь. «Зачем он врёт? — думала она. — Он боится, что я отвернусь, если узнаю правду? Или ему просто легче притворяться, чем быть настоящим?»

Он врал. Не злобно, не нагло — скорее как ребёнок, который хочет казаться лучше, чем есть на самом деле. И это было хуже, чем открытая ложь. Потому что Аня не знала, что ей делать с этим. Сказать прямо? Сделать вид, что не заметила? Или просто принять, что он такой, и решить — нужно ли ей это?

— Здорово, — сказала она. — Я рада за тебя.

Денис улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой, и на миг Ане показалось, что она всё придумала. Но нет. Что-то внутри сжалось. Она вдруг почувствовала себя уставшей. Не от долгого дня, а от этой игры, в которой она не просила участвовать.

Домой она возвращалась одна — Денис предложил проводить, но она отказалась. Шла по улице, смотрела на фонари и думала. «Он говорит одно, а я чувствую другое. Как понять, можно ли ему верить?»

Вечерний воздух пах дождём. Аня зашла в метро, села в вагон и закрыла глаза. «Может, я просто боюсь быть одна? — подумала она. — Может, поэтому цепляюсь за него, даже когда чувствую, что что-то не так?»

Ответа не было. Только стук колёс и чужое отражение в тёмном стекле.

Утром она пришла в «Птицу» раньше обычного. Ей нужно было выговориться. Но не Лане — тетради.

Она открыла чистую страницу и написала:

«Он говорит одно, а я чувствую другое. Как понять, можно ли ему верить?»

Оставила тетрадь на столике и пошла готовить кофемашину.

День начался как обычно: посетители, чашки, звон монет. Паша возился в подсобке, Марк работал на первой смене и был, как всегда, молчалив. Аня чувствовала на себе его взгляд, но когда оборачивалась, он смотрел в сторону.

«Что он во мне нашёл? — подумала она. — Я обычная бариста с кучей брошенных хобби и непониманием, куда двигаться дальше. Может, ему просто скучно? Или он тоже одинок и я — единственный человек, с которым он вообще разговаривает?»

Мысль была обидной для Марка, но Аня не могла от неё избавиться. Она слишком привыкла думать, что не заслуживает внимания. Что если кто-то смотрит на неё, то либо по ошибке, либо от безысходности.

Около четырёх, когда народу почти не осталось, Марк подошёл к стойке.

— Поможешь перемыть посуду? — спросил он. — Посудомойка сломалась, в подсобке завал.

— Хорошо, — кивнула Аня.

Паша уже ушёл, оставив их вдвоём.

Мыли молча. Марк тщательно протирал каждую чашку, Аня — блюда. Их руки двигались в одном ритме, иногда почти касаясь.

Аня украдкой смотрела на него. На его тёмные волосы, на серьгу в ухе, на то, как он сосредоточенно вытирает фарфор. «Почему он не говорит? — думала она. — Ему не о чем со мной разговаривать? Или он просто не умеет?»

И вот, когда они одновременно потянулись за одной и той же чашкой, их пальцы встретились.

Аня замерла. Марк тоже. Оба уставились на руки.

Кожа у него была тёплой, чуть шершавой. Аня почувствовала, как сердце пропустило удар. В голове пронеслось: «Что я делаю? Что мы делаем? У меня есть Денис. Ну, то есть не совсем есть, но»

Она не успела додумать.

— Извини, — сказал Марк, убирая руку.

— Ничего, — ответила она.

Секунда тишины. Марк посмотрел на неё — долгим, внимательным взглядом, от которого у Ани перехватило дыхание. В его глазах не было улыбки, но была какая-то другая теплота. Или ей только показалось?

Потом он отвёл глаза, поставил чашку на полку и быстро вышел в подсобку.

— Я закончу, — бросил он уже из-за угла. — Можешь идти.

Аня не двигалась. Сердце колотилось. Она чувствовала, что между ними что-то происходит, и это пугало её больше, чем Денис с его ложью.

«Почему я думаю о нём? — злилась она на себя. — Он просто коллега. Он ничего не сказал. Ничего не сделал. Это всё мои фантазии».

Но она знала, что это не фантазии. Что-то было. И она не знала, радоваться этому или бояться.

Она медленно сняла фартук, повесила на крючок и вышла из кофейни. На улице было светло, но в душе — сумерки.

«Завтра я получу ответ в тетради, — подумала она. — А вдруг он мне не понравится? А вдруг я не готова его услышать?»

Она вздохнула и пошла к метро. Вечер только начинался.

Глава 8. Фестиваль

Утром Аня пришла в «Птицу» раньше обычного. Ей не терпелось проверить тетрадь — вчера она оставила там вопрос, который не давал покоя. О Денисе. О том, как понять, можно ли ему верить.

Она открыла тетрадь на заложенной странице и прочитала аккуратные, чуть дрожащие строки:

«Доверяй не словам, а тому, что чувствуешь. Если внутри холодно — значит, не твоё. Ты уже знаешь ответ, просто боишься его принять»

Аня перечитала два раза. Потом закрыла тетрадь и убрала на место.

— Боюсь принять, — повторила она вслух. — Наверное, ты прав.

Она не успела развить мысль — телефон завибрировал. Сообщение от Паши:

«Аня, привет. Босс вызвал ремонтников, завтра у нас внеплановый выходной. Кофейня закрыта. Отдыхаем».

Аня удивилась. Перечитала сообщение два раза. Выходной? Просто так, середь недели? Она уже собиралась ответить Паше, когда дверь кофейни открылась и влетела Лана — в своей обычной манере: громкая, яркая, с огромными серьгами и чашкой кофе с собой.

— Привет! — крикнула она с порога. — Я тут мимо проходила, думала, заскочу на пять минут. Как вы тут?

— У нас завтра выходной, — ответила Аня. — Внеплановый.

— О, круто! — Лана скинула сумку на стул. — И чем займёшься? Будешь целый день дома сидеть и печь торты?

— Не знаю, — пожала плечами Аня. — Наверное, да.

— Ань, ты серьёзно? — Лана закатила глаза. — У тебя выходной, надо что-то делать. Гулять, ходить куда-то, дышать свежим воздухом.

В этот момент из подсобки вышел Марк, услышавший последние слова.

— Завтра в парке музыкальный фестиваль, — сказал он, протирая руки ветошью. — Мой друг Алекс там работает, фотографирует. Он может достать бесплатные проходки.

— Фестиваль? — Лана оживилась. — Это где?

— В Центральном парке, — ответил Марк. — Начало в двенадцать. Я сам собирался идти.

— Ань, погнали! — Лана схватила подругу за руку. — Ты почти никуда не ходишь, это шанс отвлечься. Тем более — бесплатно.

— Не знаю, — неуверенно сказала Аня. — У меня ещё торт недопечён

— Ань! — Лана посмотрела на неё строго. — Ты серьёзно? Торт подождёт. Там музыка, люди, можно познакомиться с кем-то нормальным. А то этот твой Денис — она не договорила, но Аня поняла.

— С Денисом всё нормально, — тихо сказала она.

— Конечно, нормально, — Лана махнула рукой. — Ладно, не будем о нём. Идём завтра? Марк, ты с нами?

— Да, — кивнул Марк. — Я встречу вас у входа.

Аня вздохнула.

— Хорошо, уговорила.

Лана просияла и тут же переключилась на другую тему: «А там можно будет найти клиентов? Я возьму визитки, вдруг кто-то захочет стилизацию». Она болтала без остановки, пока Аня заваривала ей матча. Марк молчал, но Аня заметила, что он украдкой улыбается.

На следующий день они встретились у входа в парк. Утро было солнечным и ветреным — листья только начали желтеть, но воздух пах летом.

Марк ждал их у турникетов, в тёмной футболке и джинсах, без обычного наушника. Рядом с ним стоял высокий парень с камерой на плече и ярким шарфом на шее.

— Это Алекс, — представил Марк. — Мой друг.

— Привет! — Алекс широко улыбнулся. — Марк мне рассказал о вас. Лана, Аня — так? Аня кивнула, Лана кокетливо поправила волосы.

— Фотограф? — спросила она.

— Иногда, — ответил Алекс. — Больше люблю безумные идеи. Знаете, устроить фотосессию на крыше или в заброшенном здании.

— Звучит опасно, — усмехнулась Лана.

— Опасно — это скучно, — парировал Алекс. — Интересно — это когда не знаешь, что получится.

Они прошли внутрь. Фестиваль оказался небольшим, но шумным: сцена с местными группами, палатки с едой, несколько точек с крафтовым пивом и огромная лужайка, где люди сидели на пледах и танцевали.

Алекс вскоре увлёкся работой — он снимал музыкантов, потом посетителей, потом небо в листьях. Лана крутилась рядом, то помогая ему с камерой, то позируя сама. Между ними явно возникла искра — они смеялись, шутили, обменивались быстрыми взглядами.

Аня и Марк остались вдвоём.

— Давно вы знакомы? — спросила Аня, кивнув на Алекса.

— Года два, — ответил Марк. — Мы встретились в пиццерии, где я работал. Он заказал пиццу с ананасом, я сказал, что это преступление. И так началось.

— С ананасом? — Аня улыбнулась. — Серьёзно?

— Абсолютно, — Марк почти улыбнулся в ответ. — Он до сих пор её заказывает. Мы просто перестали спорить.

Они пошли вдоль аллеи, останавливаясь у палаток с едой. Марк купил два стаканчика лимонада и протянул один Ане.

— Ты редко улыбаешься, — сказала она, принимая стакан.

— Просто не вижу повода, — ответил он.

— А сейчас?

Марк посмотрел на неё. Солнце светило в его серые глаза, делая их почти прозрачными.

— Сейчас есть, — сказал он тихо.

Аня почувствовала, как сердце пропустило удар. Она хотела что-то ответить, но не успела — начался концерт. Первая группа играла что-то бодрое и ритмичное, и толпа задвигалась.

Музыканты на сцене сменились, потом ещё раз. Аня потеряла счёт времени. Она стояла рядом с Марком, иногда они переглядывались, один раз он поправил её волосы, упавшие на лицо — случайно или нет, она не поняла. Но внутри разливалось тепло, которое она не могла объяснить.

Лана и Алекс время от времени появлялись, чтобы проверить, всё ли в порядке. Лана сияла, Алекс был оживлён. Аня заметила, как он коснулся руки Ланы, когда они смеялись над чем-то.

— Они хорошо смотрятся вместе, — сказала Аня Марку.

— Алекс давно не был таким весёлым, — ответил он. — Лана ему подходит.

— Ты тоже мог бы быть веселее, — сказала Аня.

— Зачем? — спросил Марк. — Мне и так хорошо.

Аня не нашла, что ответить.

Фестиваль закончился ближе к вечеру. Когда они выходили из парка, Алекс предложил Лане подбросить её до дома — она согласилась.

— А вы? — спросил он у Ани и Марка.

— Мы пройдемся, — сказал Марк.

Они остались вдвоём. Шли по вечерней улице, не торопясь. Фонари только зажглись, и воздух стал прохладным.

— Ты редко говоришь о себе, — сказала Аня первой, чтобы нарушить тишину.

— Не люблю, — ответил Марк. — Но с тобой почему-то легче.

— Почему?

— Не знаю. — Он помолчал. — Ты не давишь. Не задаёшь лишних вопросов. Просто слушаешь.

Аня улыбнулась.

— Я умею только слушать. Говорить — не очень.

— Это не так, — сказал Марк. — Ты просто боишься, что твои слова не важны.

Аня удивилась его точности.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я тоже так думал раньше. Долго. — Он посмотрел на неё. — В банке я молчал, потому что боялся сказать что-то не то. Ошибиться. Подвести людей.

— И что изменилось?

— Я ушёл. Понял, что молчание — это тоже выбор. Но иногда лучше рискнуть и сказать, чем всю жизнь жалеть, что не сказал.

Аня шла рядом, смотрела на его профиль. В свете фонарей он казался другим — менее закрытым.

— А чего боишься ты? — спросил Марк.

Аня задумалась.

— Что я пустая, — сказала она тихо. — Что для меня ничего не придумано. Что все мои хобби, поиски — просто бег на месте.

— Это не так, — сказал Марк. — Ты не пустая. Ты просто ещё не нашла то, что заставит тебя остановиться и сказать: «Вот оно».

— А ты нашёл?

Марк кивнул.

— Кофейню. Тишину. И возможность быть рядом с теми, кто мне важен.

Он не сказал «с тобой», но Аня почувствовала, что он имел в виду именно это.

Они подошли к её дому. Остановились у подъезда.

— Спасибо, — сказала Аня. — За сегодня. За лимонад. За то, что ты просто рядом.

— Завтра увидимся, — сказал Марк.

— Да. Завтра.

Она зашла в подъезд, обернулась. Марк стоял, глядя ей вслед.

— Спокойной ночи, Аня.

— Спокойной ночи, Марк.

Аня поднялась в свою квартиру, села на подоконник и долго смотрела на фонари. В голове крутилось одно: «Что я чувствую к Марку? И что мне делать с Денисом?»

Завтра в кофейне она напишет об этом тетради. А сегодня — просто заснёт с этой мыслью.

Глава 9. Птица в груди

Выходной у Ани выдался тихим и серым — за окном моросило, и воздух пах мокрыми листьями. Она проснулась поздно, долго лежала в кровати, глядя в белый потолок. Мысли о Денисе и Марке перемешались в какую-то тягучую кашу, из которой не получалось выбраться.

«Хватит», — сказала она себе и встала.

Решила, что будет печь торт. Не для кого-то, не ради продажи, а просто так. Чтобы занять руки и голову.

Она достала из холодильника масло, яйца, шоколад. Надя из магазина «Всё для тортов» прислала вчера голосовое сообщение с советом: «Попробуйте добавить щепотку соли в тесто — так вкус станет глубже». Аня послушалась.

Пока бисквит пёкся в духовке, она набрала Лане.

— Привет, — сказала подруга бодрым голосом. — Ты чего не спишь?

— Выходной у меня, — ответила Аня. — Можем поболтать?

— О чём? О мужчинах? — Лана усмехнулась. — Чувствую по голосу, что о них.

Аня вздохнула.

— Не знаю, с чего начать.

— Начни с того, что тебя гложет.

И Аня начала. Рассказала, как Денис врёт о работе, как она чувствует фальшь, но не может просто взять и уйти. Как её манит его внимание, но одновременно пугает.

— А Марк? — спросила Лана.

— А что Марк?

— Ну, он же тебе нравится. Я видела, как вы смотрите друг на друга.

— Ничего мы не смотрим, — сказала Аня слишком быстро. — Мы просто коллеги.

— Ага, конечно, — хмыкнула Лана. — Просто коллеги, которые задерживаются после смены, чтобы помыть посуду вдвоём.

Аня промолчала.

— Слушай, — сказала Лана мягче. — Ты не обязана сейчас всё решать. Просто прислушайся к себе. И запомни: человек, который тебе подходит, не заставит тебя сомневаться.

— А если я сомневаюсь во всём? — тихо спросила Аня.

— Тогда, может, ещё не время. Или не тот человек.

Аня задумалась.

— Ладно, хватит о грустном, — сказала Лана. — У меня новость. Я сегодня вечером встречаюсь с Алексом.

— Тем фотографом?

— Да. Он пригласил меня на выставку. Потом в какое-то классное место обещал сводить.

— Лана замолчала на секунду. — Мне кажется, это серьёзно, Ань. Он не такой, как другие.

— Ты заслуживаешь серьёзного, — сказала Аня.

— Знаю. Просто раньше я боялась. А сейчас почему-то не боюсь.

Они поболтали ещё полчаса — о пустяках, о клиентах Ланы, о том, что пора бы купить новые джинсы. Ане стало легче. Иногда нужно просто выговориться, чтобы воздух внутри перестал быть спрессованным.

После звонка она достала бисквит из духовки. Он получился ровным, пышным, с хрустящей корочкой. Аня отрезала кусочек, попробовала. Вкусно. Не идеально, но близко к тому.

«Даже если у меня не получится шедевр, — подумала она, — я просто буду получать удовольствие. И это уже победа».

Она убрала кухню, вымыла посуду и заварила себе лавандовый раф. Села на подоконник, обхватила чашку руками и уставилась в окно. Фонари горели ровным жёлтым светом, за окном моросило. Вечер тянулся медленно, как тягучий карамельный сироп.

Мысли сами собой поплыли куда-то не туда.

Она представила Дениса. Его лёгкую улыбку, уверенный взгляд, то, как он тянется к ней, чтобы поцеловать. Аня почувствовала, как что-то внутри сначала сжалось, а потом наоборот — расслабилось. Будто её тело реагировало само, без спроса. Её манило — этот флирт, это внимание, эта игра, от которой в груди становилось тепло и тревожно одновременно. Она представила, как его губы почти касаются её щеки, и тут же внутри разрасталась неуверенность. Липкая, холодная. Будто если она позволит этому поцелую случиться, Денис исчезнет. Прямо здесь и сейчас. Хлоп — и нет его. Останется только пустота, запах его парфюма и чувство, что её снова использовали.

Аня зажмурилась и тряхнула головой, прогоняя эту картинку.

Но на её месте тут же появилась другая.

Марк.

Он стоял напротив неё — такой же спокойный, с серыми глазами, в которых она иногда тонула, сама того не замечая. Они даже не друзья, скорее коллеги, которые иногда задерживаются после смены и говорят о странном. Зачем она вообще это представляет? Между ними почти ничего нет. Но Аня не могла остановиться.

Сначала она почувствовала, как внутри разливается тепло. Не то яркое, обжигающее, что бывает от смущения, а что-то более глубокое, тягучее. Оно разливалось по груди медленно, как тот самый карамельный сироп, и спускалось всё ниже, до самого живота. Потом по рукам побежали мурашки — гусиная кожа, от которой волосы встали дыбом. Аня обхватила себя руками, но это не помогло.

Она представила, как они стоят друг напротив друга, совсем близко. Она чувствует его запах — кофе, чистое бельё и чуть-чуть дождя. Вот их кончики носов почти касаются. Аня замерла в своём воображении, боясь даже дышать, потому что в этом мире — её мире — любое движение могло разрушить всё.

Его дыхание было тёплым, чуть с горчинкой, и оно касалось её губ. Аня почувствовала, как в животе что-то крутится, вертится, трепещет — как маленькая птица, которая бьётся о рёбра, пытаясь вырваться. Она сжала чашку с рафом крепче, чтобы пальцы не дрожали.

А что если он сейчас наклонится? Что если их губы встретятся? Что она почувствует? Мягкость? Настойчивость? Или то же самое, что с Денисом — холод и пустоту?

Нет. С Марком всё будет иначе. Она это знала. Не умом — всем телом.

Птица внутри билась всё сильнее. Аня почувствовала, как кровь прилила к щекам, как стало жарко, хотя окно было приоткрыто. Она провела рукой по лицу — горячее. Сердце колотилось где-то у горла. Она снова закрыла глаза, чтобы продлить это ощущение, но картинка уже рассыпалась.

— Что за ерунда, — сказала она вслух, отпила глоток рафа и поставила чашку на подоконник.

Но птица не успокаивалась. Она замерла где-то в груди, трепеща крыльями, и давала о себе знать каждым ударом пульса.

Аня долго сидела на подоконнике, глядя на тёмное стекло, в котором отражалась она сама — растерянная, с горящими щеками и прикушенной губой. За окном моросило, фонари мигали, и ей казалось, что весь мир замер вместе с ней.

«Завтра я увижу Марка, — подумала она. — И буду делать вид, что ничего не случилось».

Но она знала, что случилось. С ней. Внутри. И это уже нельзя было отменить.

Она вздохнула, допила раф, вымыла чашку и пошла чистить зубы. В зеркале ванной она увидела свои глаза — серо-голубые, с тёмным ободком, которые папа всегда называл «глазами человека, который слишком много думает».

— Спокойной ночи, — сказала она своему отражению.

Птица внутри чуть слышно вздохнула, свернулась калачиком и затихла. До завтра.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.